

ВЕРА ПЕТРОВНА ДМИТРИЕВА

СОЛНЦЕ В ГРУДИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вера Дмитриева

Солнце в груди. Стихотворения

«Издательские решения»

Дмитриева В. П.

Солнце в груди. Стихотворения / В. П. Дмитриева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986374-4

В эту книгу собраны новые духовные стихи автора, написанные им в последние годы, а также опубликованные в книгах, изданных ранее. Начинается книга с последних стихов, и далее взгляд на поэзию автора уходит в прошлые годы, как в колодец времени. И можно видеть, как с годами изменялось состояние души поэта.

ISBN 978-5-44-986374-4

© Дмитриева В. П.
© Издательские решения

Содержание

Солнце в груди	7
Колодец лет	7
Солнце в груди	8
Струна	9
Воссияй мне день безгрешен	10
Пробуждение	12
Окошко на восток	13
Первоцвет	14
Написано в 2020 году	15
Херувимская песнь	15
Орган предчувствия	16
Начало бытия	17
После исповеди	19
Музыка в зимнем лесу	20
Канун Рождества	21
Пандемия 2020 г.	22
У иконы Богородицы «Утоли мои печали»	23
Написано в 2019 г.	26
Не болейте дети	26
Сыну	27
Благословение. Сыну	28
«Когда «идут» песочные часы...»	29
«Сегодня в радужном сиянье...»	30
Сонет	31
Написано в 2018 году	32
Родина	32
Сыну Ивану с наречением имени	33
После Успения пресвятой Богородицы	34
Молитва перед иконой Серафима Саровского	36
Псалом 102	37
На исходе дня	39
Искушение	40
Бессловесная молитва	41
«А хочется высоким слогом...»	42
Написано в 2017 году	43
Невечерний Свет	43
Перед молитвой	44
Тихий ангел	45
Туринская плащаница	46
Букет в домашнем иконостасе	47
«Господи, что там, за горизонтом...»	48
«Жарко. Душа томиться...»	49
Две Марии	50
«Как много в жизни горестей и боли...»	51
Разговор с духовным отцом	52
«Душе моей страдающей и грешной...»	53

Разговор с опавшим листом	54
Се человек	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Солнце в груди Стихотворения

Вера Петровна Дмитриева

© Вера Петровна Дмитриева, 2020

ISBN 978-5-4498-6374-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце в груди

Колодец лет

В колодце лет стихи как будто кольца,
по ним спуститься можно в глубину,
и вверх смотреть в далёкое оконце,
и видеть свет, что освещает тьму.
Сегодня стих уверенный и чёткий,
пускай, восторга юности в нём нет,
зато перебираю словно чётки
слова воцерковлённых зрелых лет.

Душа жила без Бога, словно ночью,
и выла на луну, но вой тот стих.
С чего я начинала, чем закончу,
какой еще нашепчут сверху стих?
Жизнь без любви Божественной бездарна.
Спасибо, что любовь воспеть могу.
За веру, за надежду благодарна
я Господу, за каждую строку.

Солнце в груди

В нашей жизни плачевной
утешение есть.
Бог мой – Свет омраченных,
Ты со мною, Ты здесь.
От невидимой пропасти
Ты меня отведи.
Как тепло с Тобой, Господи,
будто солнце в груди.

Струна

Пораньше встань и в тишине услышишь
слова, что предназначены тебе.
А может не тебе, но ты запишешь,
и благодарность вознесешь судьбе.

О, чудный дар! Слова идут отарой,
кудрявые, как овцы по весне.
И мир звучит, то чувственной гитарой,
то балалайкой русской во мне.

Мне не дано оркестром быть серьезным,
лишь тоненькой натянутой струной.
Но дивный Мастер может виртуозно
озвучить мирозданье и одной.

Господь, спасибо, что позволил в мире
струной в Твоей быть многозвучной лире.

Воссияй мне день безгрешен

Свет предутренный так нежен,
золотится неба край.
«Воссияй мне день безгрешен!»,
воссияй мне, воссияй!
Помоги быть рядом с теми,
кто познал явлений суть.
Дай мне, Боже, сил и время
что б кривой исправить путь.
И прости за то, что было
в бездуховной жизни той,
дай, чтоб сердце не остыло,
скомканное суетой.
Чтобы зависть, гнев, обида
в душу не вползли мою,
чтоб любовь омыта
я у жизни на краю
поняла, зачем Ты, Боже,
мне талант изволил дать.
Закопала, но быть может
дашь мне время откопать,
преумножить дар бесценный?
И, о милости моля,
из конца в конец вселенной
пусть летит любовь моя.
«Все дадут вам, попросите!».
Мне бы замолить грехи,
посвятив Тебе, Спаситель,
душу, сердце и стихи.

Устаю от мелькания лиц,
от толпы, что течет целый день,
и однажды от пения птиц
просыпаюсь неведомо где.
Мне не нужно глаза открывать,
что б увидеть любую из них.
Я лежу и стараюсь понять
балалаечный птичий язык.

Знаю, что там поют и о Ком,
и еще знаю много чудес.
Утро теплым парным молоком
напоило березовый лес.
В этом тихом российском краю
отпускаю на волю себя,

и сама, будто птица пою,
каждый миг этой жизни любя.

Восхищаюсь цветами, травой,
звездным небом, хрустальным ручьем,
и сама становлюсь я собой,
не жалея уже не о чем.
Тень сует убегает с лица,
крепок в сердце молитвенный щит.
Все, что дышит, все хвалит Творца,
и мой голос в том хоре звучит.

Пробуждение

Еще спеленатая сном
лежу, не открывая глаз.
В моем убежище лесном,
переливаясь как алмаз,
восходит солнце.
Как проспять
волшебный миг!? Вставай, смотри!
Не повернуть минуты вспять,
не повторить восход зари.
Какая дивная она —
заря: румянец, перламутр.
А будет ли еще одна,
то знает лишь Господь, Он мудр.

Пусть грешен этот мир и стар,
но это утро есть уже,
и каждый миг – бесценный дар,
и испытание душе.
И если человек живет
в такой красе в мирке своем,
то, что же в горнем мире ждет
того, кто водворится в нем?

Спаситель, будь всегда со мной,
и укажи дорогу в рай.
Не дай уйти мне в мир иной
без покаяния. Не дай!
Я в этой жизни как в лесу,
но как светильник пред собой
надежду светлую несу,
и память смертная со мной,
и радость в предвкушенье дня,
и слезы, слезы по лицу.
Спасибо, что сегодня я
проснулась славу петь Творцу.

Окошко на восток

Окошко на восток, и утро постепенно
вливается в него, здороваясь со мной.
Сквозь волны облаков ажурных, белопенных
луч солнца, словно мост, ведущий в мир иной.

Окошко на восток, и аромат сирени
вещественный, густой выманивает в сад,
и тают, тают в нем остатки снов и лени
предутренней. Они уходят в ночь назад.

Окошко на восток зовет: «Скорей из дома.
Соблазны бытия – вот радости исток».
Но я не тороплюсь, ведь рядом ждет икона,
и для меня она – окошка на восток.

Все в мире подождет: дела и развлечения.
Бежать, звонить, писать я буду, но потом.
Окошко на восток – Твой образ, и с волнением
«Восставшие от сна, мы припадаем Ти».

Первоцвет

На радостный призывный свет
стремлюсь.
Куда? Бог весть!
Так самый ранний первоцвет
пытается пролезть
сквозь уплотнившийся сугроб.
Что остановит нас!?
Я рвусь и разбиваю лоб
о неприступный наст
гордыни и своих страстей,
и суеты сует.
Как трудно вырваться из стен
своей тюрьмы на свет.
Но хрупкий, маленький цветок
пробился невредим,
и хлынул солнечный поток,
обрадованный им.
Цветочный носик из зимы
торчит, как клюв птенца.
Мы рвемся, Господи, из тьмы,
которой нет конца.

Написано в 2020 году

Херувимская песнь

*Об этом событии стало известно в 2006 году.
В пустом храме юный паломник услышал
ангельское пение и записал его на магнитофон.
Споры об этом явлении идут до сих пор.*

В безлюдном храме чистый ангел пел,
а юноша заглядывал в оконце.
И каждый звук был нестерпимо бел,
как снег в горах, что отражает солнце.
И песнь нечеловеческой была,
не робко-однотонной, не скорбящей,
не умиротворяла, не плыла, —
она взвивалась, словно меч разящий.

В ней был восторг и слава Божества.
Непостижимы для земного уха
такой напор святого торжества,
победа Слова и победа Духа.
В безлюдном храме чистый ангел пел,
а юноша заглядывал в окошко.
Ему спасибо: записать успел
он звуки Божьей славы. Хоть немножко.

О, эти звуки неба, звёздный хор,
и песня, как нездешнее сиянье.
Её услышав, знаю я с тех пор,
что значит – Богу петь без покаянья.
И, вот, когда все лучшие из нас
сойдутся вместе у его престола,
взорвётся ликованием этот глас,
и радость возвеличится Христова.

Орган предчувствия

«Чувств просвети простую пятерицу».
Благодарственные молитвы по Святом причащении.
Молитва 3-я, Симеона Метафраста

Слышите, как снег идет?
будто бы дитя лепечет.
Этот лепет душу лечит,
и она идет на взлёт,
и летит к Нему навстречу.
Слышите, как снег идет?

Видите мерцанье звезд?
Млечный путь – скорее, снежный —
давний, дальний, неизбежный,
в никуда зовущий мост
от Земли святой и грешной.
Видите мерцанье звезд?

Ветра легкое касанье,
и прикосновенья рук —
что они напомнят вдруг
в миг земного угасанья?
И восторг в них, и испуг.
Ветра легкое касанье.

На губах солёный вкус.
Может, кровь, а, может, слёзы.
Соль земли, любви угрозы,
поцелуй или укус?
Результат анабиоза?
На губах солёный вкус.

Запах ночи и весны.
Город пахнет дымом, домом,
чем-то грустным и знакомым.
Ароматны даже сны.
Пахнет лунный диск лимоном.
Запах ночи и весны.

Ухо, глаз, язык и кожа,
нос. Но что-то есть у нас,
что важней ушей и глаз,
что любить и верить может
и предчувствовать подчас.
Сердце – всех оно дороже!

Начало бытия

«Я альфа...», – Он сказал. А, значит Он – Начало.
«В Начале было Слово». Да, Слово было в Нём.
И всё, что стало быть, а не было сначала,
всё словом Он творил, не взрывом, не огнём.

А, впрочем, может быть, творил Он взрывом тоже.
Но взрыв тот начал быть по слову, по Его.
И так Он день за днём, свои творенья множа,
мир создавал для нас спокойно и легко.

И день шестой настал. Велик был Логос-Слово —
программа бытия, идея во плоти...
Глаза открыл Адам. Закрыв, открыл их снова
и увидел того, кто душу освятил.

И только в день седьмой, задумавшись глубоко,
оставив все дела, ловил Он каждый миг
творенья своего. И радовали Бога
и первые шаги. И даже первый крик.

Наш храм – наш дом земной,
а в доме есть семья.
Приходим мы домой,
любя, скорбя, моля
и радуясь тому,
что есть, к кому придти,
ведь к Богу одному
ведут нас все пути.

Идём с надеждой в храм,
мы ищем к Богу путь.
К нему помогут нам
священники примкнуть.
Здесь, исповедь приняв,
на путь наставят нас.
И, свой смиряя нрав,
мы слушаем их глас.

А глас идёт извне,
самим Христом им дан —
что свяжут на земле,
то свяжется и Там.
Что разрешат они,

то в вышних разрешат,
умножат наши дни,
иль тех, что есть, лишат.

После исповеди

Легкий взмах епитрахили...
Я согбенная стою,
чувствую: крылом укрыли
душу грешную мою.
И она приободрилась,
замерла на миг, потом
словно птица устремилась
прямо к куполу с крестом.

Хоть летит так неумело,
будто слеток из гнезда,
но восторженно и смело.
Душу манит высота.
И какое это счастье —
с чистым сердцем в небо плыть.
Как светло перед причастьем!
Миг бы этот сохранить.

Музыка в зимнем лесу

В зимнем храме моём
зажигаются звёзды, как свечи.
На колонны стволов
опускается купол небес.
Пред звездой-алтарём
я стою, опустив низко плечи,
и молитва без слов
обнимает рождественский лес.

Пусть слова не звучат,
но играет небесная лира.
И мотив, как снежинка
витают, узором маня.
В нём любовь, и печаль,
и восторг от величия мира.
И желанья свежи,
как нетронутый снег, у меня.

К нам приходят порой
эти звуки из мира иного.
Это воздух звенит,
и трепещет морозная высь.
Да, придёт со мной
и с тобою всеильное Слово.
Улетает в зенит,
обращенная в музыку мысль.

Канун Рождества

За окном белым-бело...
Зимушка-зима,
хоть еще не рассвело,
светится сама.
Будто много—много лун
прячутся в снегу.
Рождество! Его канун.
Время стерегу,
чтобы вдруг не пропустить
главную звезду,
в сердце Рождество впустить,
славу петь Христу.

Без Него нам нет пути
в светлый мир иной.
Бог родился во плоти
ради нас с тобой.
Чтоб умели мы любить
и восстать из гли,
все понять и всех простить
вслед за Ним смогли.
Чувствовать любви поток,
резонанс струны,
неба звездного глоток
с ломтиком луны.

Пандемия 2020 г.

Ещё одна война,
ещё одна зараза,
но крепок человек,
не понимает он,
что ангел вострубил
уже давно, но сразу
не явится ни Свет,
и не Армагеддон.

Уж падала звезда,
попыню пахли реки,
стальная саранча
мелькает здесь и там,
спадал и град с огнём,
но люди-человеки
смеются и поют,
и следуют мечтам.

Ни красного коня,
ни черного не видят,
и даже бледный конь
людей не утрашит.
Воюют и грешат,
воруют, ненавидят,
но где-то есть любовь,
надёжная, как щит.

И где-то есть добро,
и жертвенность, и верность,
и тот, кто милосерд,
душою чист, и тот
кто правды возжелал,
увидев жизни скверность,
он в страхе не бежит,
а людям свет несёт.

У иконы Богородицы «Утоли мои печали»

«Суд праведен судите, милость и щедроты творите кийждо ко искреннему своему; вдовицу и сира не насильствуйте и злобу брату своему в сердце не творите».

Надпись на свитке у младенца Христа

Лик с янтарными глазами,
у щеки ладонь...
Утоли мои печали
щедрой добротой.
Разреши приникнуть к Слову
сердцу и уму.
И не дай творить мне злобу
брату моему.

Все вдовицы и сироты
пред тобой стоим —
помоги дарить щедроты
искренним своим.
«В свиток у младенца зрите», —
это Твой ответ, —
«Праведным судом судите —
внидите во свет».

В юности не скованы мы временем —
время бесконечно, словно шар.
Годы с улюлюканьем и пением
так и мчатся, будто не пожар.

Пусть и не сгорели мы в пожаре,
но, стараясь удержать баланс,
молодость, как девочка на шаре,
грациозно уплыла от нас.

В старости и времечко другое,
вроде как горчичное зерно —
мелкое, но очень дорогое.
В жизнь другую прорастет оно.

Обернется деревом ветвистым
и замрет, ведь времени Там нет.
Помоги мне прорасти, Пречистая,
В Твой нетварный бесконечный свет.

В глазах, безводных, как пустыня,

песок просыпавшихся лет,
колючек заросли густые,
и чей-то одинокий след.
И кажется, что невозможно
глаза закрыть и отдохнуть.
Я продвигаюсь осторожно.
Когда окончится мой путь
и увенчаются исканья
познанием истины самой,
и распахнется мироздания
величие передо мной?

Но я не тороплю минуты,
пускай песчинки дней текут
и засыпают зло и смуту,
что и в пустыне гнезда выют.
Когда совсем угаснет пламя
страстей, что так меня страшит,
то высохшее сердце-камень
слезой молитва оросит.

Смиренье – агнец.
Сила зла
совсем иная:
гордыня в образе козла —
душа гнилая.

Куда деваться от козлиц?
Куда деваться?
Гордыня – это ведь не прыщ,
не отвязаться.

Не соскоблить, не удалить,
не излечиться.
Что делать, чтоб ее избыть?
Молиться!

«Обо'жены по благодати».
Но мы уверены ли в том?
Лукавый дух подкрался сзади,
и мы о житие святом
забыли.
Стиснуты грехами,
загнали душу, извели,
покаялись, да повздыхали,

поклонялись мы до земли,
и... Ничего не изменилось.
Мы возвращаемся к страстям,
надеемся на Божью милость
и думаем, что нас простят.

Помилуй нас, Всесильный Боже,
за самоволие прости,
за то, что мы никак не можем
гадюку страсти извести.
Всё на словах, а не на деле,
и всё нам, вроде, нипочём.
Но только вскочит прыщ на теле,
вот тут молитва бьёт ключом.
И очень много просим, просим,
и мало так благодарим,
и поучений не выносим,
и ближнего за всё корим.

Написано в 2019 г.

Не болейте дети

Не болейте, дети, не болейте,
раньше стариков не уходите.
Лента поколений – в этой ленте
связь времён не путайте, не рвите.
Не болейте, сыновья и дочки,
хоть болезнь, она чему-то учит.
Но для тех, кто родился в сорочке,
не болезнь, здоровье – светлый лучик.

Не болейте, внуки, не болейте,
ваш здоровый вид для нас отрада.
Стариков любовью обогрейте,
нам ведь больше ничего не надо.
Не болейте, не болейте, дети
ни в начале жизни, ни в зените.
Помните, что вы за нас в ответе,
жизнь свою, родные, берегите.

Ваш уход нелеп до изумленья,
не спасает мысль, что вы на небе.
Боли взрыв, отчаянье, смятенье,
и тоска, что рядом с вами не был.
Трудно было с вашей жизнью слиться,
ваш уклад привычный не нарушив.
Остаётся только нам молиться,
если не за жизнь, тогда за душу.

Сыну

Облака, похожие на дым,
восходили белыми клубами,
и сквозь них сияньем золотым
солнце потянулось в мир губами —
первым поцелуем оживить
Землю, ожидающую света.
Теплый луч, как Ариадны нить
из глухой зимы в покои лета.

Солнце вытрет хладную росу
с лепестков и утренних травинок,
и осушит каждую слезу
на глазах и в сердце у невинных.
И сойдет, сияя и звеня,
в мир, где свету утреннему рады,
град небесный, новая Земля,
та, где воссияет Солнце правды.

Он такой изысканный во снах,
лучезарный, убранный цветами —
город на двенадцати камнях
с дивными жемчужными вратами.
Мы с тобой пойдем по облакам
в этот город, светлый как невеста.
И тебе, кто гимн ему слагал,
верю, приготовлено в нём место.

Благословение. Сыну

Храни тебя моя любовь!
Храни тебя моё участие.
Болезни, горести, несчастья
я разделю с тобою вновь.

Превыше всех красивых слов
дела любви, святые часто.
Глаза надеждою лучатся,
ум сердцу следовать готов.

Мой мальчик, вслед тебе смотрю.
Спина сутулится и гнется.
Не просто и тебе даётся
груз лет. Я время не корю.

Нелепо, видимо, искать
черты беззубого младенца
в суровом муже. Призрак детства
ушёл. Что толку окликать.

Иди, иди, седой малыш,
а я тоску из сердца выну,
тебе перекрещу я спину,
и ты любовь мою услышь.

«Когда «идут» песочные часы...»

Когда «идут» песочные часы,
от времени я глаз не отрываю,
песчинок тихий трепетный язык
я не умом, а сердцем понимаю.

Имеющий начало и конец
своё в секундах видит отраженье.
Лишь тот, на ком бессмертия венец,
без времени живёт и без движенья.

И, открывая вечности врата,
ты помни, что час твоего исхода —
меж временем – безвременьем черта.

Нет дня и ночи!? И времен нет года!?
Песочные часы живут ли там?
Войду – узнаю. Но боюсь я входа.

«Сегодня в радужном сиянье...»

Сегодня в радужном сиянье
предстал мне дивный город Твой.
И глаз, и слух, и обонянье
восприняли вдруг мир иной,
такой загадочно-прекрасный,
как нескончаемый салют.
Он здесь, доколе не угасла
свеча. Я слышу, как поют
так далеко, а, может, близко.
И ангелы со всех сторон
подходят и, склоняясь низко,
стоят у трона, там, где Он
в одеждах светлых восседает.
Прекрасен лик и ясен взор.
Свеча угасла. Тает, тает
град горний. Замолкает хор
и тонкий аромат куренья.
Молитвенный окончен труд,
и только искорки виденья
весь день в душе моей живут

Сонет

Пасхальный вечер в ожиданье,
и в храме и вокруг народ.
В предчувствии всё мирозданье,
и так идет из рода в род.

Христос воскрес! – лежит за гранью...
Но это чудо у ворот,
пусть недоступно понимаю,
а сердце верит и поёт.

Христос воскрес! – Кивают свечи,
течёт с молитвой крестный ход,
летит душа Ему навстречу.

Душа так верит в Воскресенье!
Хотя и страшен ей исход,
Но знает: во Христе спасенье!

Написано в 2018 году

Родина

*С чего начинается родина?/
С картинки в твоём букваре?*

Родина берет свое начало
с родинки у мамы на груди,
с песни, что баюкала, качала,
обещая сказку впереди.
Родина с картинки не начнется.
Только очень близкий человек
к сердцу этим словом прикоснется
и заставит полюбить навек
это бесконечное пространство
знойной степи и седой тайги,
или город. Так надрывно, страстно
полюбить с неистовством таким,
что другие дивные владенья,
где звучат иные языки,
где не слышно жаворонка пеня,
и камыш не шепчет у реки,
не наполнят острой болью душу,
если больше не увидишь их.

Я люблю и летний жар, и стужу
только здесь, среди людей родных.
Среди песен грустных и застольных,
что переплетаются хитро,
среди храмов, звонов колокольных,
среди моих попутчиков в метро.
Знаю, я когда-нибудь покину
временную родину мою,
и она мне перекрестит спину.
Только там, в неведомом краю,
трудный путь, в конце концов, осилив,
именем другим не назову
Родину – Небесную Россию,
дом родной – Небесную Москву.

Сыну Ивану с наречением имени

«Почему, – знакомые пытаются, —
назван сын так просто, без затей?
Ведь теперь не часто называют
этим старым именем детей».
«Вдумайтесь, – знакомых я просила, —
вслушайтесь, откроется и вам,
что гудит бескрайняя Россия
в колокольном имени – Ива-а-н».

Мой сосед, об истине радея,
возразил: «Не русское оно,
а пришло из древней Иудеи».
Пусть, но русским стало, и давно.
Нет, конечно, не в одно касанье
обрусело, стало нам родным.
Вышло из Священного писанья
и с Христом пришло к нам. Вместе с Ним.

Пусть Иваны дурачками слыли,
но колпак меняли на венец,
и на трон Иваны восходили.
Вот такой у сказок был конец.
Если ворог морем разлитым
растекался по земле родной,
то вставали русские Иваны
непоколебимую стеной.

И солдаты, те, что жизнь любили,
но погибли, чтобы жили мы,
для фашистов все Иваны были:
и Петры, и Павлы, и Кузьмы.
Я не знаю, кем Иван мой станет,
понесет он меч, перо иль крест,
только пусть над ним всегда витает
имени российский благовест.

После Успения пресвятой Богородицы

*Посвящается духовной
сестре Валентине*

Он Сам пришел. Ни Силам не доверил,
ни Ангелам исход души. Потом
перед Марией распахнул все двери,
и на руках Он внес ее в Свой дом.
И Херувимы перед ней летели,
и Серафимы поклонялись ей.
Она была прекрасна в новом теле,
всех Сил небесных чище и славней.

Она могла бы в Царствии Небесном,
покоиться и отойти от дел,
не думая о сырых и болезных,
но выбрала совсем другой удел.
Она для нас заступницею стала,
о каждом плачет, молит и скорбит.
Не гордою царицей – у престола,
просительницей скорбною стоит.

Заступница, Она мольбам внимает,
несет их Сыну, перед ним склоняясь.
Ни лесть Ее, ни хитрость не обманет,
все понимает и прощает нас.
Царица Преплагая, в день Успенья
Она еще хлопот приобрела.
Не вечно слушать ангельское пенье,
а на Земле устраивать дела.

В Дивееве Она и на Афоне,
и в душах православных до конца.
Не отпугнули мерзость какофоний
и смрад грехов, и черные сердца
Царицу, Богородицу Благою.
И от Земли не отрывая глаз,
скорбя о грешных, о святых ликуя,
Она покровом укрывает нас.

И каждая душа несет частицу
Ее тепла, и подражая Ей,
с другими тоже хочет поделиться
любовью, и надеждою своей,
и верой. Мы, живущие на свете,
молящиеся Сыну и Отцу,

и Духу – все ее отчасти дети,
Она о каждом молится Творцу.

Молитва перед иконой Серафима Саровского

Помолись обо мне, Серафимушка,
помолись на вершине камушка,
распрями согбенную спинушку,
ясновидящий, добрый батюшка.
Видю руки твои вздетые
и глаза, нам в души смотрящие.
И со всеми своими бедами
мы приходим к тебе, болящие.

Помолись обо мне, Серафимушка!
Укажи мне путь ко спасению,
испроси мне былую силушку
и духовного дай прозрения.
Обратись с мольбой к Богородице.
Может прелесть в меня закралася,
но душа умилением полнится,
и я жду, что услышу: «Радуйся!».

Псалом 102

*Посвящается хореографам
Антонине Красновой и
Александру Могилеву, и их проекту
современного танца «Проба №»*

Я знала, что псалмы поют,
но оказалось, их танцуют,
как будто небеса целуют
и Богу души отдают.
О, эти души, извиваясь
и корчась, не всегда хотят
отринуть тот змеиный яд.
Но вот, светлеют, поднимаясь
и устремляясь в небеса
с мольбой, любовью и надеждой,
срывая тленные одежды
и тихо радуясь слезам.

«Благослови, душа моя»,
ты имя Господа святое
за радость, слитую с бедою,
за жизнь на грани бытия
и за любовь.
Волшебный свет,
восторг, безумие, тревога,
надежда на Благого Бога —
все в танце. Может быть ответ
найдешь в нем на свои исканья,
себя увидишь то в огне
в пустыне знойной, то на дне,
то на вершине мирозданья.

Души истерзанной излом,
полет безумный и паденье,
мечты восторженной виденье,
и вечная борьба со злом.
То тьма, не видно ничего,
и нет отчаянью предела,
то вновь парят душа и тело —
«Ибо во век милость Его».
Зал опустел, но предо мною
проходят образы чредой,
И мир наш – грешный и святой
псалмы танцует за спиною.
О, оглянись.....
2018

В небо смотрю, не мигая.
Там в лучезарной дали
птицы из области Рая
плавно летят до земли.
Здесь, улыбаясь и плача,
радуйся им и лови
синюю птицу удачи,
красную птицу любви.

Белая птица свободы,
святости жёлтый птенец —
их неизвестна природа,
их посылает Творец.
Птица надежды отныне
будет со мной. Но гони
чёрную птицу гордыни,
ту, что дракону сродни.

На исходе дня

Не напоказ смиренье и поклоны,
коленипреклонения до дыр.
Молитва – созерцание иконы,
через нее – проникновение в мир,
где лишь любовь и свет, и сострадание
к нам грешным, тем, кто кружит на земле.
Где этот мир? За неоглядной далью,
иль рядом он, но не лежит во зле?

О, Господи, не покидай меня,
не дай свернуть с дороги освященной,
и помоги мне на исходе дня
идти по ней, пусть грешной, но прощенной.
И выбраться из буден помоги,
я в суете тону, как в толще ила.
И ближние мои – мои враги,
поскольку больше всех их возлюбила.

Имя Твое произношу
с благоговением.
Мира в душе, света прошу
я со смирением.
В храме моем много икон,
древних порою —
в Царство Небесное столько окон.
Стукни – откроют

Искушение

Где тот сердечный, волнующий трепет,
счастье познания Его?
Где неопита доверчивый лепет —
вера превыше всего.
Исповедь? Нет, не с пороками битва,
множишь все те же грехи.
И наизусть ты читаешь молитвы,
будто чужие стихи.

Вера ль остыла, иль сердце устало
и пламенеть, и страдать?
То, что я раньше в душе собирала,
время пришло разбросать?
Снова я жажду чудес и знамений —
плевелы там, где цело.
Вера дрожит под напором сомнений,
ангел ломает крыло.

Я не стремлюсь уже поутру рано
в храм, всех, кто рядом, любя.
В плотной толпе обретенного храма
чувствую лишней себя.
Лживое сердце еще не сдаётся,
о, как натянута нить!
Дремлет душа, но однажды проснется
в горе пощады просить.

Бессловесная молитва

В уголке своем убогом
на закате дня
посижу на пару с Богом,
Он поймет меня.
Бессловесную молитву
принесу ему,
Он увидит, что за битву
я с собой веду.

Пусть бескровную, но все же
трудно устоять.
То грехи свои итожу,
то грешу опять.
То в слезах я ниц склоняюсь,
милости прошу,
Верю и люблю, и каюсь,
и опять грешу.

Образ – он в иное дверца.
На устах печать...
Что слова, когда и сердце
и душа кричат!?
В уголке своем убогом
на закате дня
посижу на пару с Богом,
Он поймет меня.

«А хочется высоким слогом...»

А хочется высоким слогом...
Увы, уместен этот слог
наедине с собой и с Богом,
чтоб он его направить смог.
Слова приходят ниоткуда,
но точно, что не от себя.
И строчки вьются. Это чудо!
Ты пишешь руку торопя.

И радость благовестом льется,
стихами небо говорит.
Ударам сердца отзовется
вдруг четкий стихотворный ритм.
Как много странного на свете.
Чьи это строчки? Голос чей?
Ловлю слова рыбацкой сетью
из лунно-солнечных лучей.

Спасибо ангелу-поэту
за ту гармонию стиха,
что не найдешь, бродя по свету.
Она идет издалека —
из межзвездного ль пространства,
из подземельной ли глуши,
из тридевятого ли царства,
или из тайников души.

Написано в 2017 году

Невечерний Свет

На дворе тепло и сыро,
ночь прошла не зря.
Где-то там, на кромке мира
теплится заря.
И струится ненапрасный
в душу много лет
Свете тихий, Свете ясный,
Невечерний Свет.

С ним спокойнее и легче,
и не давит крест,
тот, что лег тебе на плечи,
и «свинья не съест».
В жизни темной и ненастной
защитит от бед
Свете тихий, Свете ясный,
Невечерний Свет.

Время вздрогнет, и качнется
век, а, может, час.
Все пройдет и все начнется
заново для нас.
Мир уйдет хмельной, опасный.
Вспыхнет нам в ответ
Свете тихий, Свете ясный,
Невечерний Свет.

Перед молитвой

Минута тишины перед молитвой —
в пустыне освежающий глоток,
чтоб страсти притупить – они как бритвы —
и праздных мыслей оборвать поток.
Минута тишины перед иконой —
от вздоха заволнуется свеча,
И кто-то утешительно-знакомый
застынет в ожиданье у плеча.

А мне опять страдающей и грешной
мирское благо видится, маня.
Гордыня говорит, что мир, конечно,
вращается вокруг одной меня.
Тщеславия змея сидит глубоко,
ну, как ее, проклятую, убить!?
И трудно мне Всевидящего Бога
сильней себя и ближних, возлюбить.

А Он прощает все мои дерзанья,
не попускает в мир идти с сумой.
И все отодвигает наказанье,
надеясь на свободный выбор мой.
Ждет, что я стену гордости порушу,
сведу к Нему земное бытие,
отдам ему и творчество и душу,
и скудное имение своё.

Спасенье: нанизав слова, как бусы,
увидеть свет небесного огня,
всем сердцем молвить: «Господи Иисусе
Христе, Сын Божий, Ты помилуй мя!».
День каждый – искушение большое:
в беде и в счастье не терять лица,
но главное – молиться всей душой,
и больше жизни возлюбить Творца.

Тихий ангел

Вновь апрель горит, как факел
рано-рано за окном.
Тихий ангел, светлый ангел
тронул ласково крылом.

Разбудил тихонько душу,
на молитву рядом встал.
Боль житейская все глуше,
глядь, и мир в душе настал.

Не сидится нам на месте,
гонит суета сует,
Но душой всегда мы вместе,
Тихий ангел, добрый свет.

В сердце жесткий лед растаял,
пелена опала с глаз.
Тихий ангел, добрый ангел
он надеется на нас.

Туринская плащаница

Там, где белое – там черное.
Там, где черное – там белое.
Негатив на плащанице,
то Его священный лик.
Никакая реконструкция,
даже самая умелая,
не заменит образ царственный,
что из вечности возник.

Все по замыслу великому,
не случайно, не бессмысленно,
провидением Божественным
это чудо нам дано.
Не икона рукотворная,
и не книга рукописная,
а безмолвное свидетельство
Воскресения оно.

Будто в кокон упаковано
тело на кресте распятое,
а душа Его нездешняя
и свободна, и легка.
Эти пелены печальные,
как Евангелие пятое.
Кровь невинно осужденного
к нам призывает сквозь века.

Букет в домашнем иконостасе

Зимние ночи, воют метели,
тихо в душе, будто времени нет.
Ветки березы, вербы и ели,
свечка пасхальная – чудо-букет.

И благодать от букета простого,
он говорит о спасенье со мной.
Кажется, собрана слава Христова
в символах жизни Господней земной.

Веточка ели моя от вертепа,
в храм приносимого на Рождество,
верба – не пальма, но ею воспето
в Иерусалиме Его торжество.

Ветка березы напомнит схождение
Духа Святого и Троицы день,
красная свечка – Его воскресенье —
радость, любовь и надежда людей.

Непостижимо, но глядя на ветки,
будто читаю я Новый завет.
Птицей душа вылетает из клетки
дел и сует, и стремится на свет.

«Господи, что там, за горизонтом...»

Господи, что там, за горизонтом,
За чертой земного бытия?
Вечный, упоительный ли сон там,
утреня, вечерня, лития?
Голоса невидимого хора,
ангелов сияющий полет,
и страстей озлобленная свора
там меня не тронет, не найдет?

Нет, такой не заслужила доли!
Что же будет с грешною душой?
Все по вере, и по Божьей воле!
Может, труд тяжелый и большой
выпадет душе по приговору
страшного последнего суда?
И катить я буду камень в гору,
вечно буду с ним туда-сюда.
Ну, а может, грязную работу
мне поручат, небо подметать,
если вдруг небесную природу
кто-то вдруг посмеет загрязнять.

Может, бросят в топку мироздания,
заслужила, что теперь гадать!
А тогда лишат меня сознания,
или с ним мне суждено страдать?
Господи, что там, за горизонтом,
за чертой земного бытия?
Буду ли заоблачным красотам,
Райским кущам радоваться я,
или...
Будто голос чей-то слышу:
«Все зависит от тебя, поверь!
Все по Божьей воле будет, свыше,
и по вере собственной твоей».

«Жарко. Душа томиться...»

Жарко. Душа томиться,
словно заварка чая
в чайнике под тряпицей.
Дождик плеснул случайный
на сковородку асфальта —
стало как в бане сыро.
Дней разноцветная смальта
тает в мозаике мира.
Разное время суток,
разное время года,
и разобрать рисунок
может ли кто угодно?
Только с небес взирая,
можно окинуть взглядом
мир без конца, без края,
и увидеть... кто рядом.

Две Марии

Двенадцать лет. Нам кажется так рано
невинных дев в мир суетный зовут.
И в храм души одна идет из храма,
другая из семьи уходит в блуд.

Одна Мария, нам родив Спасенье,
осталась безвестной навсегда.
Другая средь разврата и веселья
ребенка не имела никогда.

Одна послушна Божьему велению
жила, страдая, сына возлюбя.
Другая лишь страстей преодоление
поставила задачей для себя.

Но были обе избраны Марии,
чтобы явить смирения пример.
И души их высоко воспарили
в обители святых небесных сфер.

Мария—дева, будь победным гимном,
заступницей, опорой для души.
Мария из Египта, помоги нам,
молитвой наши страсти потуши.

«Как много в жизни горестей и боли...»

Как много в жизни горестей и боли.
жестокий мир, и мы рабы его.
Нам кажется, что мы живем на воле.
Нет – каждый в келье сердца своего.

И здесь, в уединении глубоком,
закрытом от врагов и от друзей,
мы, прежде чем предстанем перед Богом,
ответим перед совестью своей.

Она всю жизнь нас мучает, тревожит,
не просто оставаться с ней вдвоем.
Она одна хранит в нас образ Божий,
пока совсем ее мы не уьем.

Разговор с духовным отцом

– Все отдай, вернется вдвое.
– Знаю, только «жаба давит».
Бес и корчится, и воет:
мол, самой ведь не хватает.
– Нужно к сирым со вниманьем
относится, вам зачтется.
Но рука, что с подаяньем
вся от жадности трясется.

Все отдай, а что отдать то?
Ни квартиры, ни участка.
Тридцать лет обновке – платью.
Может быть свое участие
и любовь отдать смогу я?
Может быть, нужны кому-то
строчки, что пишу, ликуя,
заворачивая круто?
Что еще отдать? Поищем.
Сердце? Душу? Щедрость манит!
– Ты отдай сначала нищим
ну, хотя бы, что в кармане.

«Душе моей страдающей и грешной...»

Душе моей страдающей и грешной
мирское благо видится, маня.
Гордыня одолела, мир, конечно,
вращается вокруг одной меня.
Тщеславия змея сидит глубоко,
ну, как ее, проклятую, убить!?
Как трудно мне всевидящего Бога
сильней себя, бесценной, возлюбить.

А Он прощает все мои дерзанья,
не попускает в мир идти с сумой.
И все отодвигает наказание,
надеясь на свободный выбор мой,
что бастионы гордости порушу,
сведу к Нему земное бытие,
отдам ему и творчество и душу,
и скудное имение своё.

Разговор с опавшим листом

Ноябрь, и лес уже линяет,
он к спячке длительной готов.
А вот Москва – она сияет
в листве и злате куполов.
Как трудно в осени ужиться,
дни пожелтевшие листать.
Тихонько на плечо ложиться
ладонь кленового листа.

– Что, друг не хочется, наверно,
в глухую зиму уходить?
– Конечно, там темно и скверно.
Там оборвется жизни нить.
– Тебе, листок пожухлый, тонкий
ожить уже не суждено.
Но не равняй нас. Душам стойким
покой не ведом. Не дано!

Придет зима, в ее блистанье
обитель снежная моя.
Зима – то время созерцанья,
и осмысленья бытия.
– А после?
– Лист, твое ли дело!
Ведь путь земной неповторим.
Как ты, мое погибнет тело,
душа не следует за ним.

– А дальше?
– Право я не знаю,
куда отправит Божий суд.
Грешна: завистливая, злая,
но мысли добрый свет несут.
Не угадать в одно касанье.
А знаешь, лист, не унывай,
лежи теперь в Святом Писанье
и Божью мудрость познавай.

Догорай, свеча, догорай!
Я не буду тебя гасить.
Освещать мне дорогу в рай
я не буду тебя просить.
Хоть трудна и темна тропа.
Да и в рай ли она ведет?

С неба сыпется снег-крупя,
Март-воробушек все склюет.

Есть вопросы – ответов нет,
право выбора нам дано,
обжигаясь, идти на свет,
или спрятаться, где темно.
Я не стану гасить свечу,
буду помнить всегда о ней,
по лучу ее полечу,
получу по вере своей.

Исцели мою душу любовью,
светом Сына заполни ее,
что взирает с надеждой и болью
на земное мое житие.
Жизнь уходит, осталось немного,
лишь в конце я увидела свет.
Говорят, что под гору дорога
после взлета бывает. Ан, нет!

В гору, в гору иду, спотыкаясь,
от мирских изнывая оков,
я тащу, упираясь и каюсь,
непосильную ношу грехов.
Чьи-то беды, заботы и лица
днем и ночью мелькают, снуют.
Вся душа моя к небу стремится,
только страсти взлететь не дают.

Я люблю этот мир окаянный,
мир жестокий, лежащий во зле.
Может быть я своим покаяньем
потесню этот мрак на Земле.
Раны в сердце посыпаны солью,
чьи-то судьбы дороже своей...
Исцели мою душу любовью,
состраданьем высоким согрей.

Когда не ходишь в храм, пусть даже есть причина,
то кажется что ты в страну, где так темно
уехал и пропал, ведь жизнь там, как пучина,
все тянет, тянет вниз, и вот уж близко дно.
Когда не ходишь в храм и думаешь: причастье
приму когда-нибудь, но только не сейчас,

пусть в жизни горя нет, но ощущение счастья
тебя не посетит, не явится, лучась.

Когда не ходишь в храм, а всё дела, работа,
и времени на храм и на молитву нет,
то вдруг на всем скаку тебя бросает кто-то
в смертельную болезнь или в горнило бед.
Покажется пустым мир суетный и бледный,
и деньги ни к чему, и слава быть «крутым»,
ты остановишь бег по кругу многолетний,
все, чем гордился вдруг, рассеется как дым.

И так потянет в храм, где запахи и звуки
молитвы вековой тебя приободрят.
Святых чудесный ряд, их поднятые руки
в призывании Христа тебя благословят.
И обретешь покой, надежду и отраду,
как будто не в руках горит свеча, о, нет,
а в сердце у тебя, и к Богу нет преграды,
и прогоняет тьму из сердца горний свет.

Открой глаза мои, Господь,
и покажи мне каждый грех.
Душа скорбит, но жаждет плоть
здесь и сейчас иметь успех,
богатство, славу, силу, власть.
Вранье, что я их не хочу.
Прости, Господь, не дай упасть,
мне праведность не по плечу.
Лукавлю я перед собой,
но содрогается душа,
что не веду духовный бой,
страстишки мерзкие круша.

Се человек

Какой Он разный на иконах:
суровый, ласковый, любой,
то скорбь в Его чертах знакомых,
то одобрение, то боль.
То радуется, то страдает,
что в ком-то веры цвет зачах,
но никогда не презирает,
и злобы нет в его очах.
Любовь читается во взгляде.
Художник нам сказать хотел:
Бог человеком стал, и ради
нас – грешных, муки претерпел.
Теперь никто сказать не вправе,
мол, Он не может нас понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.